

Лю Цзяньхуа давно зарился на ту старую квартиру. Та крохотная вина, которую он чувствовал после развода, за годы давно стёрлась подчистую. Он упрямо считал: тогда он тоже вкладывал деньги, значит, и доля в этой квартире должна быть его. Тем более семьи Цзян уже не осталось, один Цзян Лэ. Если этот мальчишка хоть немного помнит о родстве, разве может он не признавать родного отца?

Лю Цзяньхуа был твёрдо уверен: сейчас Цзян Лэ просто молод, вспыльчив и ничего не понимает. Станет старше, естественно осознает ценность родственных уз и поймёт, как нелегко приходилось его отцу.

В этом году ещё и пошёл слух, что рядом со старым домом собираются строить новый торговый центр и, возможно, под снос попадёт весь жилой комплекс, где находилась квартира. Снесут или нет, торговый центр точно построят. Тогда старая квартира либо принесёт внезапное богатство благодаря компенсации, либо снова подорожает. Какой бы вариант ни вышел, стоило Лю Цзяньхуа подумать о деньгах, которые здесь крутились, у него сердце начинало скрестить, словно кошка когтями, и он не мог усидеть на месте.

Накануне он лёг рано и даже не рассчитывал, что Цзян Лэ ответит. А утром, едва открыв глаза и увидев сообщение от Цзян Лэ, Лю Цзяньхуа чуть не подскочил с кровати. Он испугался, что Цзян Лэ уже нашёл другого покупателя и собственными руками отдаст чужим людям богатство, свалившееся с неба. Он поспешно набрал номер. В душе ему хотелось обругать этого дурного сына: продать квартиру сейчас, когда всё вот-вот вырастет, всё равно что разорвать билет с главным выигрышем. Но вслух он сказать этого не смел — боялся упустить выгоду.

Младший сын от второго брака, Лю Тяньян, который был младше Цзян Лэ всего на полгода, выслушал краткие объяснения Лю Цзяньхуа и тоже встал рядом, весь изводясь от нетерпения. С детства он слышал, как отец снова и снова вспоминает квартиру, которую у него якобы отобрала бывшая жена, и давно считал, что имущество отца надо вернуть. А сейчас у отца был только он, единственный сын. Разве после возвращения всё это не достанется ему?

— Пап, ты сначала найди способ заставить его переоформить квартиру на тебя, а потом...

— Тс-с, сейчас дозвонюсь. Помолчи пока.

Цзян Лэ дал звонку надсадно прозвенеть больше десяти секунд и только потом неторопливо ответил. В трубке сразу прозвучал взволнованный голос Лю Цзяньхуа:

— Сяо Лэ, с чего ты вдруг решил продавать квартиру?

— Деньги нужны, — ровно сказал Цзян Лэ. — Я собираюсь осесть в Хайши. Старая квартира всё равно стоит без дела, лучше продать её и внести первый взнос.

— Деньги нужны, так ты отцу скажи!

— О? — Цзян Лэ тихо усмехнулся. — Ты внесёшь за меня первый взнос?

Лю Цзяньхуа поперхнулся и неловко сказал:

— О первом взносе пока не будем. Но ты же можешь продать квартиру мне. — Боясь, что Цзян Лэ что-нибудь заподозрит, он тут же добавил: — Квартира, конечно, старовата, но для меня она имеет особое значение. Вместо того чтобы отдавать её чужим, лучше оставить своим. Свои люди больше берегут вещи. Просто переложим из левой руки в правую, квартира всё равно останется в семье. Когда захочешь вернуться пожить, приезжай в любой момент, будто и не

продавал.

Сказано было красиво, даже чересчур. Семья? Чья семья? Семья Цзян Лэ закончилась в тот день, когда умерла его мать, и с тех пор у него остался только он сам.

Цзян Лэ подавил холодную усмешку и притворился, что его слова подействовали.

— Правда?

— Разве отец может тебя обмануть? — голос Лю Цзяньхуа звучал нарочито искренне, но уже в следующую секунду он сменил тон. — Только, раз уж продаёшь своим, цену ведь можно сделать ниже, чем для посторонних? Или считай, что отец сначала поможет тебе её сохранить.

— Один миллион двести тысяч. Мне как раз столько не хватает на первый взнос, — назвал цену Цзян Лэ. — Остальное не обсуждается.

Если сейчас выставить старую квартиру через агентство и терпеливо ждать покупателя, рыночная цена была бы примерно миллион триста тысяч. Но срок получения денег гарантировать было нельзя. Один миллион двести тысяч уже был заметно ниже рынка, однако для Лю Цзяньхуа, который с самого начала вовсе не собирался по-настоящему платить, эта сумма всё равно оказалась болезненным ударом.

— Это... Отец за короткое время может столько не собрать. Посмотри, нельзя ли ещё... — попытался торговаться Лю Цзяньхуа.

— Это твои дела. Мне всё равно, кому продавать. — Цзян Лэ не стал тратить слова и сразу сбросил звонок.

Он слишком хорошо знал Лю Цзяньхуа. Этот человек ни за что не сможет спокойно смотреть, как квартира уходит кому-то другому. Цель уже была достигнута, дальше говорить было бессмысленно.

Цзян Лэ выехал с сельскохозяйственного рынка и, проехав совсем недолго, свернул к следующему месту назначения: обычному пригородному рынку неподалёку от оптового. Там были не только привычные овощные ряды, но и фермеры из окрестностей, которые привозили продавать собственную продукцию. Цыплята и утята там тоже встречались часто.

В это время рынок как раз недавно открылся. Помимо овощей, рыбы и мяса, по обе стороны теснились лавки с лапшой, готовой тушёной закуской, крупами и маслом, приправами и прочим. Небольшой рынок, набитый рядами и магазинами, казался особенно оживлённым.

Но товары в таких лавках уже прошли через несколько перекупщиков и по цене не подходили для крупных закупок впрок. В список покупок Цзян Лэ они не входили.

Он несколько минут походил по рынку и в углу нашёл фермера, продававшего цыплят и утят собственного вывода. Мягкие жёлтые комочки теснились в бамбуковой корзине и без умолку пищали.

Цзян Лэ взял по десять цыплят и утят. Хозяин переложил их в заранее приготовленную большую корзину. Цыплята и утята жались друг к другу и смотрели на Цзян Лэ чёрными блестящими глазками.

В ответ Цзян Лэ пальцем потрогал их нежный пух.

Мальков на рынке найти оказалось труднее. Рыбу здесь в основном продавали перекупщики, и почти вся она весила больше полкило. Более того, почти вся она отображалась как 1-й уровень.

Цзян Лэ огляделся, не увидел ничего подходящего и уже собирался уходить, когда проходил мимо ребёнка, сидевшего в углу с маленьким ведёрком в руках.

— Такие рыбки маленькие, даже в зубах не застрянут, — бросила какая-то старушка, поддразнивая ребёнка, и именно эта случайная фраза заставила Цзян Лэ остановиться.

В этот момент одна маленькая рыбка из ведра изо всех сил подпрыгнула, и брызги попали мальчику прямо в лицо. Он упрямо крепче обнял ведёрко.

— Дедушка сказал, деньги от продажи будут мне на карманные расходы. Я их сам поймал.

Цзян Лэ подошёл ближе и увидел в ведре с десятков рыбок длиной с указательный палец. Хотя они были 0-го уровня, выглядели очень живыми. Цзян Лэ не слишком разбирался в породах рыб, но по внешнему виду они должны были вырасти в какой-нибудь привычный для рынка вид.

Цзян Лэ оживился, присел перед ребёнком на корточки и спросил:

— Почём рыба?

— Ведро за десять юаней! — глаза мальчика сразу засияли надеждой. Рядом с ним стоял пожилой мужчина, видимо родственник, который сопровождал его на рынок.

Старик объяснил:

— Другие сетями ловили, а эти слишком мелкие, им не нужны были. Отдали ему поиграть.

Цзян Лэ кивнул.

— Заберу всё. Наличными или переводом?

Сейчас система позволяла держать мало рыбы. Ради такого количества специально ехать на оптовый рынок мальков было совсем ни к чему.

— Наличными, наличными! У меня ещё телефона нет, — возбуждённо сказал мальчик.

Сделка состоялась. Мальчик попросил у соседнего прилавка пластиковый пакет и, как велел Цзян Лэ, перелил туда рыб вместе с водой. Деньги и товар сменили хозяев, все остались довольны.

Цзян Лэ с покупками вернулся к машине. Убедившись, что спереди и сзади никого нет, он прямо в салоне перенёсся в пространство фермы. Ему уже не терпелось отправить всю эту живность на ферму и получить опыт.

Когда он поместил домашнюю птицу и мальков в соответствующие зоны, системный интерфейс сразу обновил количество. Кур и уток было ровно столько, сколько нужно, а мальков оказалось на одного больше. Цзян Лэ не задумываясь бросил лишнюю рыбку во встроенный системный компостный ящик.

Компостный ящик выглядел как обычный общественный мусорный бак. Если брошенную внутрь вещь нельзя было разложить в питательные вещества для культур, ящик её отвергал.

Если же разложение было возможно, то, как сейчас после брошенного малька, наверху ящика появлялась шкала с надписью: «разложение...»

Зона домашней птицы автоматически разделилась на курятник и утятник. Вместе с маленьким прудом они загорелись подсказкой «требуется кормление». Над головой каждого животного висела шкала здоровья: если долго не кормить, здоровье будет снижаться, а при слишком низком показателе система признает животное погибшим.

Цзян Лэ записал себе, что нужно купить корм для птицы и корм для рыб, а основное внимание снова перевёл на землю, засеянную вчера.

За одну ночь на тёмной почве уже проклюнулась россыпь зелёных точек. Быстрорастущие семена действительно оправдывали своё название, и эта скорость приятно обрадовала Цзян Лэ.

Он долго стоял на меже, глядя на всходы, и чувствовал полное удовлетворение. Если бы система не запрещала, он бы и правда лёг спать прямо у этих полных жизни грядок. В прошлой жизни Цзян Лэ пробовал навсегда остаться в системном пространстве, но стоило ему заснуть, как его каждый раз принудительно выбрасывало обратно в реальность. Неизвестно, изменится ли это правило после повышения уровня фермы.

Цзян Лэ всё же с сожалением поднялся и пошёл к складу.

Овощи и фрукты, купленные утром, система уже автоматически разложила. На электронном экране у двери склада по корзинам и ящикам ясно перечислялось количество разных овощей и фруктов.

Открыв дверь и войдя внутрь, он увидел, что ящики с плодами и зеленью уложены системой слоями невероятным образом, почти до самого потолка. Если присмотреться, между каждым ящиком оставался тонкий зазор: они не давили друг на друга, но пространство при этом использовалось до предела. Поэтому, хотя запасов уже было много, они занимали лишь малую часть склада, и у Цзян Лэ оставалось ещё много места для манёвра.

Сегодняшние покупки были только началом. Одних овощей и фруктов было далеко недостаточно. Кроме них ещё нужны были рис, крупы, мука, масло и прочие основные продукты выживания, большое количество свежего мяса, соль, соевый соус, уксус, сахар и другие приправы.

А помимо еды следовало запастись одеждой, тёплые вещи и прочие повседневные расходники. Количество он мысленно рассчитывал так, чтобы хватило ему одному на всю жизнь. Если позже система повысит уровень складского пространства, а деньги у него ещё останутся, Цзян Лэ сможет позволить себе заготовить больше других материалов.

Эти дела невозможно было продумать во всех подробностях за один раз. К счастью, у него ещё оставалось несколько месяцев, чтобы постепенно закрывать пробелы.

Выйдя из фермы, Цзян Лэ нашёл рядом с рынком оживлённую закусочную для завтраков.

Ютя переворачивались в кипящем масле, из белых становились золотистыми, блестящими и ароматными, а потом их вылавливали и давали стечь маслу. Булочки с разными начинками, маньтоу и хуацзюань рядами громоздились в пароварках, окутанных густым паром. Белоснежное соевое молоко подслащивали по вкусу гостей, и оно вместе с нежным доуфухуа источало свежий бобовый аромат. Всё это смешивалось с запахом острого масла с чужих столов, чёрного уксуса и разной еды из соседних лавок, сплеталось в густой соблазнительный

запах живой человеческой суеты и прямо лезло Цзян Лэ в нос.

Цзян Лэ заказал корзинку паровых пельменей, корзинку мясных булочек и большую миску сладкого соевого молока, сел за стол и принялся есть с огромным аппетитом. Булочки и паровые пельмени точно не были полуфабрикатами из сетевой лавки: хозяйка прямо у разделочного стола ловко раскатывала тесто и лепила их на месте. Стоило откусить, как во рту лопался горячий сок, смешанный с ароматом свежей мясной начинки. Цзян Лэ смёл всю еду как ураган, и только тогда мучительный голод наконец полностью отступил.

Вкус действительно был хорош. И что ещё редче, всё делали вручную и прямо на месте. Цзян Лэ заказал у хозяев ещё несколько корзинок булочек и большой пакет ютяо. Количество было немаленькое, но всё же не такое, чтобы привлекать лишнее внимание.

Вернувшись к машине, он по привычке убрал готовую еду в системное пространство. Запасы готовой еды Цзян Лэ собирался пополнять как муравей, перетаскивающий дом по крупинке: каждый раз понемногу. Конкретной цели не было, он просто хотел до наступления конца света как можно больше заполнить склад. В конце концов такая еда была больше ради удовольствия и на случай, если позже иногда будет неудобно готовить. По важности она, конечно, не могла сравниться с другими припасами.

Поскольку встал он ещё на рассвете, к тому моменту, как Цзян Лэ всё это сделал, день только-только начался.

<http://bllate.org/book/17649/1689451>